

ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Современный бестселлер: Филдинг

**БРИДЖИТ ДЖОНС.
НА ГРАНИ БЕЗУМИЯ**

ХЕЛЕН ФИЛДИНГ

**BRIDGET JONES:
THE EDGE OF REASON**

HELEN FIELDING

МОСКВА
2015

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-9
Ф56

Copyright © Helen Fielding 1999

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *М. Зориной*

Составление упражнений *А. Логиновой*

Оформление *В. Безкровного*

Филдинг, Хелен.

Ф56 Бриджит Джонс. На грани безумия = Bridget Jones: The Edge of Reason : [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Хелен Филдинг ; [пер. с англ. М. А. Зориной ; сост. упр. А. Логиновой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 672 с. — (Современный бестселлер : билингва).

ISBN 978-5-699-78815-6

Все знают, как нелегко найти мужчину своей мечты! Но что делать после счастливого финала? Бриджит Джонс предстоит выяснить, легко ли терпеть любимого мужчину в своей квартире, одновременно отражая атаки привлекательной «заклятой подруги» и решая кучу бытовых проблем. В этом ей помогут неиссякаемый оптимизм и умение посмеяться над ситуацией. Чтение романа в оригинале позволит значительно усовершенствовать знание английского, а перевод на русский язык поможет разрешить возникающие по ходу чтения вопросы и трудности. Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и комментарии.

Книга будет интересна и полезна всем, кто знает и изучает английский язык с преподавателем или самостоятельно.

УДК 811.111(075.4)
ББК 81.2Англ-9

© Зорина М.А.,
перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78815-6

Acknowledgements

With thanks to Gillon Aitken, Sunetra Atkinson, Peter Bennet-Jones, Frankie Bridgwood, Richard Coles, Richard Curtis, Scarlett Curtis, Pam Dorman, Ursula Doyle, Breene Farrington, Nellie Fielding, the Fielding family, First Circle Films, Andrew Forbes, Colin Firth, Paula Fletcher, Piers Fletcher, Henrietta Perkins, Tracey MacLeod, Sharon Maguire, Tina Jenkins, Sara Jones, Emma Parry, Harry Ritchie, Sarah Sands, Tom Shone, Peter Straus, Russ Warner, Working Title Films, for inspiration, feedback and support.

And special thanks to Kevin Curran.
Research by Sara Jones

1 Happily Ever After

Monday 27 January

9st 3 (total fat groove), boyfriends 1 (hurrah!), shags 3 (hurrah!), calories 2, 100, calories used up by shags 600, so total calories 1,500 (exemplary).

7.15 a.m. Hurrah! The wilderness years are over. For four weeks and five days now have been in functional relationship with adult male thereby proving am not love pariah as previously feared. Feel marvellous, rather like Jemima Goldsmith or similar radiant newlywed opening cancer hospital in veil while everyone imagines her in bed with Imran Khan. Ooh. Mark Darcy just moved. Maybe he will wake up and talk to me about my opinions.

7.30 a.m. Mark Darcy has not woken up. I know, will get up and make him fantastic fried breakfast with sausages, scrambled eggs and mushrooms or maybe Eggs Benedict or Florentine.

1 Жили долго и счастливо

Понедельник, 27 января

58,5 кг (одно сплошное жировое отложение), романы: 1 шт. (ура!), секс: 3р. (ура!), калории: 2100, за счет секса сожжено 600, так что в итоге 1500 (образцово-показательный результат).

7.15. Ура! Годы мрака и страданий позади! Уже четыре недели и пять дней я состою в здоровом союзе со зрелым представителем мужского пола, доказывая таким образом, что я вовсе не неудачница в любви, как раньше опасалась. Чувствую себя превосходно, просто великосветская новобранная: какая-нибудь Джемайма Голдсмит, в шляпке с вуалью открывающая очередной центр для раковых больных (а все смотрят на нее и представляют в постели с Имраном Ханом)¹. О! Марк Дарси пошевелился. Может, сейчас проснется и поговорит со мной на какие-нибудь общественно значимые темы.

7.30. Марк Дарси не проснулся. Придумала: сейчас встану и приготовлю ему потрясающий завтрак: пожарю сосиски, яйца, грибы или приготовлю яйца по-бенедиктински, а может, по-флорентийски.

¹ *Имран Хан* (род. в 1952 г.) — знаменитый пакистанский игрок в крикет и политический деятель. *Джемайма Голдсмит* (род. в 1974 г.) — героиня светских хроник Великобритании, получившая особую известность благодаря браку с Ханом, состоявшемуся в мае 1995 г.

7.31 a.m. Depending what Eggs Benedict or Florentine actually are.

7.32 a.m. Except do not have any mushrooms or sausages.

7.33 a.m. Or eggs.

7.34 a.m. Or — come to think of it — milk.

7.35 a.m. still has not woken up. Mmmm. He is lovely. Love looking at Him asleep. V. sexy broad shoulders and hairy chest. Not that sex object or anything. Interested in brain. Mmmm.

7.37 a.m. Still has not woken up. Must not make noise, realize, but maybe could wake Him subtly by thought vibes.

7.40 a.m. Maybe will put... GAAAAAH!

7.50 a.m. Was Mark Darcy sitting bolt upright yelling, “Bridget, will you stop. Bloody. Staring at me when I am asleep. Go find something to do.”

8.45 a.m. In Coins Café having cappuccino, chocolate croissant, and cigarette. Is relief to have fag in open and not to be on best behaviour. V. complicated actually having man in house as cannot freely spend requisite amount of time in bathroom or turn into gas chamber as conscious of other person late for work, desperate for pee etc.; also disturbed by Mark folding up underpants at night, rendering it strangely embarrassing now simply to keep all own clothes in pile on floor. Also he is coming round again tonight so have to go to supermarket either before or after work. Well, do not have to but horrifying truth is want to, in bizarre possibly genetic-throwbackstyle way such as could not admit to Sharon.

7.31. Только надо понять, что это такое, яйца по-бenedиктински и по-флорентийски.

7.32. Правда, ни грибов, ни сосисок в доме нет.

7.33. Да и яиц тоже.

7.34. Ну, если уж на то пошло, и молока нет.

7.35. Так и не проснулся. М-м-м-м. Какой он красивый. Мне нравится смотреть, как Он спит. Оч. сексуальные широкие плечи и волосатая грудь. Нет, конечно, я не воспринимаю его просто как сексуальный объект. Его ум меня куда больше привлекает. М-м-м-м.

7.37. Так и не проснулся. Шуметь нельзя, это понятно. Но, может, удастся незаметно пробудить Его, посылая мысленные сигналы?

7.40. Возьму-ка я... А-а-а-а-а!

7.50. Марк Дарси резко сел и завопил: «Бриджит, когда ты, черт возьми, прекратишь смотреть на меня, пока я сплю?! Поищи себе другое занятие!»

8.45. Кафе «Койнз», за чашкой капучино, в комплекте с шоколадным круассаном и сигаретой. Какое облегчение курить не таясь и не строить из себя паиньку. Не так-то просто, когда у тебя в доме мужчина. В ванной не проторчать, сколько требуется, и газовую камеру из нее тоже не устроить: вдруг он на работу опаздывает, в туалет страшно хочет и т. п. К тому же Марк Дарси аккуратно складывает трусы перед сном, в связи с чем мне теперь как-то неловко просто сваливать свою одежду в кучу на пол. А сегодня он опять будет у меня, поэтому надо обязательно сходить в магазин до или после работы. Точнее, не то чтобы «надо». Ужасающая правда состоит в том, что я прямо-таки хочу это сделать. Откровенное проявление атавистических инстинктов, о котором ни в коем случае нельзя рассказывать Шерон.

8.50 a.m. Mmm. Wonder what Mark Darcy would be like as father (father to own offspring, mean. Not self. That would indeed be sick in manner of Oedipus)?

8.55 a.m. Anyway, must not obsess or fantasize.

9 a.m. Wonder if Una and Geoffrey Alconbury would let us put marquee on their lawn for the receipt — Gaaah! Was my mother, walking into my cafe bold as brass in a Country Casuals pleated skirt and apple-green blazer with shiny gold buttons, like a spaceman turning up in the House of Commons squirting slime and sitting itself down calmly on the front bench.

“Hello, darling,” she trilled. “Just on my way to Debenhams and I know you always come in here for your breakfast. Thought I’d pop in and see when you want your colours done. Ooh I fancy a cup of coffee. Do you think they’ll warm up the milk?”

“Mum, I’ve told you I don’t want my colours done,” I muttered, scarlet, as people stared and a sulky, rushed-off-her-feet waitress bustled up.

“Oh don’t be such a stick-in-the-mud, darling. You need to make a statement about yourself. Not sitting on the fence all the time in all these fudges and slurries. Oh, hello, dear.”

Mum went into her slow, kindly ‘Let’s try to make best friends with the waiting staff and be the most special person in the cafe for no fathomable reason’ voice.

“Now. Let. Me. See. D’you know? I think I’ll have a coffee. I’ve had so many cups of tea this morning up in Grafton Underwood with my husband Colin that I’m sick to death of tea. But could you warm me up some milk? I can’t drink cold milk in coffee. It gives me indigestion. And then my daughter Bridget will have...”

Grrr. Why do parents do this. Why? Is it desperate mature person’s plea for attention and importance, or is it that our urban generation are too busy and suspicious of each other to be open and friendly? I remember when I first came to London

8.50. М-м-м. Интересно, каким Марк Дарси мог бы стать отцом? (Отцом ребенку, конечно. Не мне. Такая мысль была бы нездоровой; что я, Эдип какой-нибудь?)

8.55. Так, не надо циклиться на одних и тех же мыслях и слишком много мечтать.

9.00. Интересно, Юна и Джеффри Олконбери позволят нам на приеме поставить свой шатер у них на лужайке?.. А-а-а-а!

Мама. Заваливается в мое кафе, будто так и надо. На ней плиссированная юбка и желто-зеленая куртка со сверкающими золотыми пуговицами. Точно инопланетянин явился в палату общин, побрызгал по сторонам слизью и спокойноенько уселся в переднем ряду.

— Привет, доченька, — прощепетала она. — Я как раз шла в «Дебенхемс» и вспомнила, что ты тут всегда завтракаешь. Дай, думаю, загляну спросить, когда мы пойдем определять твой цветовой тип. Ох, кофейку хочется. Ты не знаешь, мне тут молоко подогреют?

— Мама, я же говорила, никакой тип я определять не собираюсь, — буркнула я, краснея, потому что все стали на нас глазеть. К столику подошла измотанная официантка.

— Ну что ты за упрямица, доченька. Пора заявить о себе! В твоих тусклых тряпках далеко не уедешь. Ах, добрый день! — Мама включила свой специальный голос для общения с обслуживающим персоналом (из серии «Я буду с вами чрезвычайно любезна и стану самым особенным из всех клиентов, хотя зачем это нужно — совершенно непонятно»). — Так-так-так. Посмотрим, что у нас тут есть. Пожалуй, я возьму кофе. Сегодня утром я выпила столько чая со своим мужем Колином в Графтон-Андервуде, что на чай смотреть больше не могу. А молоко вы могли бы подогреть? Холодное молоко мне в кофе нельзя. У меня от него пищеварение расстраивается. А моя дочь Бриджит закажет...

Р-р-р. Почему родители так себя ведут? В чем дело? Просто пожилым людям не хватает внимания и они стараются его к себе привлечь? Или это с нами, жителями мегаполиса, не все ладно: мы чересчур озабочены своими делами и никому не доверяем, а потому не можем быть от-

I used to smile at everyone until a man on the tube escalator masturbated into the back of my coat.

“Espresso? Filter? Latte? Cap: half fat or de-caf?” snapped the waitress, sweeping all the plates off the table next to her and looking at me accusingly as if Mum was my fault.

“Half fat de-caf cap and a latte,” I whispered apologetically.

“What a surly girl, doesn’t she speak English?” huffed Mum at her retreating back. “This is a funny place to live, isn’t it? Don’t they know what they want to put on in the morning?”

I followed her gaze to the fashionable Trustafarian girls at the next table. One was tapping at her laptop and wearing Timberlands, a petticoat, a Rastafarian bonnet and a fleece, while the other, in Prada stilettos, hiking socks, surfing shorts, a floor-length llamaskein coat and a Bhutanese herdsman’s woolly hat with earflaps, was yelling into her mobile headset, “I mean, he said if he found me smoking skunk again he’d take away the flat. And I’m like, “Fucking, Daddy”” — while her six-year-old child picked miserably at a plate of chips.

“Is that girl talking to herself with that language?” said Mum. “It’s a funny world you live in, isn’t it? Wouldn’t you do better living near normal people?”

“They are normal people,” I said furiously, nodding in illustration out at the street where unfortunately a nun in a brown habit was pushing two babies along in a pram.

“You see this is why you get yourself all mixed up.”

“I don’t get myself mixed up.”

“Yes you do,” she said. “Anyway. How’s it going with Mark?”

“Lovely,” I said moonily, at which she gave me a hard stare.

“You’re not going to you-know-what with him, are you? He won’t marry you, you know.”

крыты и дружелюбны? Когда я только приехала в Лондон, то всем вокруг улыбалась, пока какой-то тип на эскалаторе не кончил мне сзади на пальто.

— Эспрессо? Американо? Латте? Капучино? С пониженным содержанием жира? Без кофеина? — затараторила официантка, сметая с ближайшего столика тарелки и с обвинением глядя на меня — будто это я виновата в поведении мамы.

— Один капучино без кофеина и один латте, — извиняющимся голосом тихо проговорила я.

— Какая неприветливая девушка, она что, говорить по-человечески не умеет? — возмущенно сказала мама ей в спину. — Странно тут жить, правда? Ну и ну, выбрали что надеть с утра!

Я проследила за ее взглядом и за соседним столиком увидела расфуфыренных девиц из золотых неформалов. Одна стучала по клавишам ноутбука: на ней были огромные ботинки, легкая юбка и растаманский берет, из-под которого во все стороны торчали волосы. Другая, в туфлях от «Прада», шерстяных носках, спортивных шортах, дубленке из ламы длиной до пола и бутанской шерстяной пастушьей шапке с наушниками, орала в мобильный телефон: «Ну а он мне говорит, еще раз увижу, как ты эту дрянь куришь, выгоню вон из квартиры. А я ему: «Да шел бы ты, папаша!» Ее шестилетний сын с жалким видом ковырялся в тарелке с картошкой.

— Эта девушка и сама с собой так же разговаривает? — задалась вопросом мама. — Странно тебе тут жить, наверное. Не лучше ли среди нормальных людей находиться?

— Да нормальные тут люди! — озлобленно сказала я и в подтверждение своих слов кивнула на улицу, где в этот момент, к несчастью, проходила монашка в коричневом облачении, толкавшая перед собой коляску с двумя детьми.

— Видишь, вот почему у тебя все вкривь да вкось идет.

— Ничего у меня не вкривь и не вкось.

— Кого ты пытаешься обмануть?! — воскликнула она. — Ладно. Как у вас с Марком?

— Прекрасно, — мечтательно улыбнувшись, ответила я, и тут она на меня пристально поглядела.

— Ты ведь не собираешься с ним... сама понимаешь что... Он ведь тогда на тебе не женится.

Grrr. Grrrr. No sooner have I started going out with the man she'd been trying to force me onto for eighteen months ('Malcolm and Elaine's son, darling, divorced, terribly lonely and rich') than I feel like I'm running some kind of Territorial Army obstacle course, scrambling over walls and nets to bring her home a big silver cup with a bow on.

"You know what they say afterwards," she was going on. "Oh, she was easy meat.' I mean when Merle Robertshaw started going out with Percival her mother said, 'Make sure he keeps that thing just for weeing with.'"

"Mother—" I protested. I mean it was a bit rich coming from her. Not six months ago she was running around with a Portuguese tour operator with a gentleman's handbag.

"Oh, did I tell you," she interrupted, smoothly changing the subject, "Una and I are going to Kenya."

"What!" I yelled.

"We're going to Kenya! Imagine, darlings To darkest Africa!"

My mind started to whirl round and round searching through possible explanations like a fruit machine before it comes to a standstill: Mother turned missionary? Mother rented Out of Africa again on video? Mother suddenly remembered about Born Free and decided to keep lions?

"Yes, darling. We want to go on safari and meet the Masai tribesmen, then stay in a beach hotel!"

The fruit machine clunked to a halt on a series of lurid images of elderly German ladies having sex on the beach with local youths. I stared levelly at Mum.

"You're not going to start messing around again, are you?" I said. "Dad's only just got over all that stuff with Julio."

Р-р-р. Р-р-р-р. Только я начинаю встречаться с мужчиной, с которым она сама же меня усиленно сводила полтора года («сын Малькольма и Элейн, доченька, разведен, очень одинок и ужасно богат»), и вот уже чувствую себя участником военных учений, который преодолевает препятствия, карабкается на стены и лазает по веревочным лестницам, чтобы добыть для мамы большой серебряный кубок со свадебной символикой.

— Ты же знаешь, что они потом говорят, — продолжила она. — «Она слишком доступная». Когда Мерл Робертшуо стала встречаться с Персивалем, мама сразу ей сказала: «Смотри, пусть он эту штуку достает, только чтобы пописать».

— Мама! — возмутилась я.

Это было уже слишком. Полугодом не прошло с тех пор, как она всю крутила любовь с португальским каторжником в элегантном костюме.

— Ой, кстати, я тебе говорила? — прервала она меня, с легкостью переходя на другую тему. — Мы с Юной едем в Кению.

— Что?! — возопила я.

— Мы едем в Кению! Только представь, доченька! В самую настоящую Африку!

В голове у меня все завертелось и пошел поиск возможных объяснений услышанному. Будто в игровом автомате, где крутятся изображения фруктов, а потом останавливаются, выдавая результат. Мама решила стать миссионером? Мама пересмотрела на видео фильм «Из Африки»?¹ Мама решила вступить в ряды организации по защите животных и заняться разведением львов?

— Да-да, доченька. Мы хотим поехать на сафари и познакомиться с племенем масаи, а потом пожить в отеле на море.

Игровой автомат с лязганьем остановился и выдал отвратительный образ: пожилые немки занимаются на пляже сексом с молодыми африканцами. Я не моргая усталилась на маму.

— Надеюсь, ты не собираешься опять пускаться во все тяжкие? — спросила я. — Папа только-только пришел в себя после истории с Жулиу.

¹ Картина американского режиссера Сидни Поллака, действие которой происходит в колониальной Кении.

“Honestly, darling! I don’t know what all the fuss was about! Julio was just a friend — a penfriend! We all need friends, darling. I mean even in the best of marriages one person just isn’t enough: friends of all ages, races, creeds and tribes. One has to expand one’s consciousness at every...”

“When are you going?”

“Oh, I don’t know, darling. It’s just an idea. Anyway must whizz. Bye!”

Bugger. It’s 9.15. Am going to be late for morning meeting.

11a.m. Sit Up Britain office. Was luckily only two minutes late for meeting, also managed to conceal coat by rolling it into ball to create pleasing sense of having been in for hours and merely detained on urgent transdepartmental business elsewhere in building. Made my way in composed manner through hideous open-plan office littered with the tell-tale remnants of bad daytime TV — here an inflatable sheep with a hole in its bottom, there a blow-up of Claudia Schiffer wearing Madeleine Albright’s head, there a large cardboard sign saying: “LESBIANS Out! Out! Out!” — towards where Richard Finch, sporting sideburns and black Jarvis Cocker spectacles, his portly frame squeezed hideously into a 70s retro safari suit was bellowing at the assembled twenty-something research team.

“Come on, Bridget Droopy-Drawers Late Again,” he yelled, spotting my approach. “I’m not paying you to roll coats into a ball and try to look innocent, I’m paying you to turn up on time and come up with ideas.”

Honestly. The lack of respect day after day is beyond human endurance.

“Right, Bridget!” he roared. “I’m thinking New Labour Women. I’m thinking image and roles. I want Barbara Follett in the studio. Get her to give Margaret Beckett a make-over. Highlights. Little black dress. Stockings. I want to see Margaret looking like sex on legs.”

Sometimes there seems no limit to the absurdity of what Richard Finch will ask me to do. One day, I will find myself persuading Harriet Harman and Tessa Jowell to stand in a supermarket while I ask passing shoppers if they can tell which one is which, or trying to persuade a Master of the Hunt to be

— Право слово, доченька! Не понимаю, из-за чего было устраивать такой ажиотаж! Жулику был просто моим другом — другом по переписке! Всем нужны приятели, доченька. Даже если у тебя все великолепно в браке, общения с супругом недостаточно! Надо иметь друзей всех возрастов, рас, вероисповеданий и из разных племен. Нужно расширять свое сознание...

— Когда вы летите?

— Ах, не знаю, доченька. Пока это просто идея. Ну, мне пора бежать. Чао!

Мать твою. Четверть десятого. Опоздаю на планерку.

11.00. На работе. Крупно повезло: опоздала на планерку всего на две минуты, к тому же скомкала куртку, так что получилось, будто я в офисе уже давным-давно и задержалась по срочному и сугубо рабочему делу в другом отделе компании. С уверенным видом прошла через огромную комнату, заваленную характерными для низкопробных дневных телепередач предметами: тут надувная овца с дыркой в заднице, там огромное фото Клаудии Шиффер с головой Мадлен Олбрайт, здесь большой плакат с надписью «ЛЕСБИЯНКИ! Прочь! Прочь! Прочь!», — и приблизилась к столу, сидя за которым Ричард Финч в темных очках, с баками и в ужасающем костюме «сафари» стиля семидесятых, плотно облегающем его дородное тело, орал на своих двадцатилетних подчиненных.

— Давай, Бриджит, растяпа ты наша пунктуальная! — прокричал он, заметив меня. — Я тебе плачу не за то, чтобы ты куртки комкала и делала невинную рожу. Я тебе плачу за то, чтобы ты являлась вовремя и идеи выдавала.

Слов нет. Выдерживать такие издевательства изо дня в день — выше сил человеческих.

— Так, Бриджит! — проревел он. — Берем «новых лейбористов». Женщин. Имидж и задачи. В студии берем Барбару Фоллетт, пусть она мне переделает Маргарет Беккет. Мелирование. Маленькое черное платье. Чулки. Хочу, чтобы Маргарет превратилась в ходячий секс.

Иногда кажется, что бредовость заданий, которые дает мне Ричард Финч, пределов не имеет. Однажды мне придется упрашивать королевского егеря, чтобы он побегал голым по охотничьим угольям, преследуемый стаей разъяренных лисиц. Нужно найти более достойную и прино-